

— Вот в этой я и пойду.

Пэй Чэньцзин со скрипом зубов провел картой, попросив продавца снять мерки. Одежда требовала подгонки по фигуре, так что пришлось бы подождать пару дней — как раз успел бы к собеседованию.

Чжу Хаожань цокнул языком:

— И правда, человека одежда красит, а коня — седло. Смотрится очень бодро.

Его собственная работа была донельзя расслабленной, носить такие строгие костюмы ему не требовалось, оттого в них казалось тесновато, но, глядя на Пэй Чэньцзина, он и сам почувствовал легкий зуд.

— Может, тоже возьми себе комплект? Оставишь на свадьбу надеть.

Пэй Чэньцзин поддразнил его, но Чжу Хаожань принялся настойчиво мотать головой:

— Да ну ее, такую дорогую. Вдруг к тому времени растолстею, разве не зря деньги пропадут?

— Кто знает, может, в этом костюме ты очень быстро отыщешь себе пару.

— Ой, брось, до чего же непривычно. Кстати, Сян-гэ в курсе, что ты ищешь работу?

Пэй Чэньцзин покачал головой:

— Я не говорил. А что?

— Сян-гэ вернулся на родину, будет работать. Может, в их компании тоже кого-то набирают? С его рекомендацией все должно пройти проще, верно?

Он немного помедлил и отказался:

— Не стоит утруждать его из-за таких пустяков. Надежнее всё-таки рассчитывать на собственные силы.

Тем не менее Сян И всё же услышал об этом от Чжу Хаожаня и в шутку спросил Пэй Чэньцзина, не отдалился ли он от него и не боится ли задолжать ему услугу. Пэй Чэньцзин не знал, смеяться тут или плакать:

— С чего бы? Ты ведь только что вернулся в страну, дел невпроворот, как можно утяжелять твою ношу еще и этим.

В первые дни по возвращении он даже жил в гостинице. Чжу Хаожань и Пэй Чэньцзин очень хотели, чтобы он пожил у кого-нибудь из них, но Сян И сказал, что привык жить один, и они не стали настаивать.

Пару дней назад он как раз подыскал жилье и даже пригласил Пэй Чэньцзина с товарищем на новоселье. Квартира была оформлена очень лаконично, Сян И планировал постепенно докупать вещи прямо по ходу дела — в конце концов, плата за отель была не из дешевых.

Пэй Чэньцзин вовсе не хотел напрягать его необходимостью одновременно разрываться между работой и бытом и при этом еще и отвлекаться на него. Сян И же, говоря с глубоким смыслом, заметил:

— В человеческом общении никак не обойтись без того, чтобы побеспокоить других. Иначе как же еще взаимно общаться и углублять отношения?

— Да-да, Сян-лаоши совершенно прав, это я мыслил узко.

Улыбаясь, ответил Пэй Чэньцзин. Он знал, что Сян И действительно заботится о нем — совсем как в детстве, когда он, старший, опекал их, младших ребят.

— У меня в компании и правда найдется одна вакансия, которая тебе подойдет. Я знаю, что ты не любишь ходить по блату, так что просто помогу с внутренней рекомендацией, а уж пройдешь ты или нет — решай сам.

— Хорошо, тогда спасибо, Сян-гэ.

Пэй Чэньцзин принял его добрый жест. Сян И был прав: в нормальных межличностных отношениях взаимно утруждать друг друга — это норма, просто он слишком привык к односторонней отдаче, не получающей ответа, и совсем позабыл об этом.

Стоило ему только положить трубку, как внезапно раздался звонок с незнакомого номера. Вызов шел из города С., того самого места, откуда он уехал.

Сердце у него в груди забилося, словно боевой барабан. Хотя номер был чужим, одно лишь название города заставило его потерять душевное равновесие.

— Бесхребетный.

Мысленно выругался Пэй Чэньцзин, прочистил горло и ответил:

— Алло?

— До каких пор ты собираешься устраивать этот цирк?

Он замер: оказалось, это не просто совпадение.

Все способы связи с Цзян Тином были у него в черном списке; видимо, тот сам догадался об этом и потому воспользовался чужим номером, чтобы дозвониться.

Но что означали эти допросы?

Пэй Чэньцзин почувствовал легкое раздражение и жестко бросил в ответ:

— Мы знакомы? Я не узнаю этот номер, назовитесь, пожалуйста.

Цзян Тин и правда совершенно не умел себя вести, этот мелкий паразит o(´^□)o

Цзян Тин крайне редко видел Пэй Чэньцзина острым на язык. Рядом с ним тот, казалось, вечно был мягким, всегда во всем слушался Цзян Тина, и Цзян Тин привычно думал, что у этого человека вовсе нет характера. Такой Пэй Чэньцзин застал его врасплох. На мгновение он умолк, но гнева не почувствовал, а напротив, подыгрывая, ответил:

— Это я, Цзян Тин.

Пэй Чэньцзин никак не ожидал от него такой реакции и вмиг скривился так, будто увидел призрака.

Сначала он думал, что Цзян Тин просто сбросит вызов, но теперь был вынужден спросить:

— Зачем ты звонишь?

— Ты занес мой номер в черный список.

— Да. Считаю, что между нами больше нет никакой необходимости поддерживать связь, и хранить ее бессмысленно.

Пэй Чэньцзин отвечал за свои поступки, хотя в ту самую секунду, как слова сорвались с уст Цзян Тина, его слегка кольнула совесть. Подобная манера отправлять неугодных в блок при малейшем разногласии отдавала некоторой детской наивностью — будто он кричал Цзян Тину: я все еще не отпустил тебя, а потому и использую черный список как способ заявить о своей решимости.

Но это личное дело Пэй Чэньцзина. Хочу — и делаю, подумалось ему.

— Ты всё еще злишься из-за того, что я выставил тебя за дверь? — поинтересовался Цзян Тин, и голос его звучал несколько уставшим. — Если ты сбежал из дома из-за этого, я приношу свои извинения. Прости.

Дыхание Пэй Чэньцзина замерло. Ему что, слышалось? Цзян Тин извиняется!

Раньше, что бы ни случилось, неизменно он сам раз за разом шел на уступки перед Цзян Тином. Он со счета сбился, сколько раз произнес это прости, в то время как в словаре Цзян Тина, казалось, вовсе не существовало таких слов — Цзян Тин был прав всегда и во всем.

Только вот теперь ему больше не нужны были эти брошенные на ветер три слова. Пэй Чэньцзин потерял переносицу, сдерживая подступающие слезы. Слишком поздно.

— Цзян Тин, ты так ничего и не понял. То, что ты выставил меня за дверь — это вовсе не корень проблемы.

Голос Пэй Чэньцзина звучал тихо, безжизненно, без единой нотки эмоций. Цзян Тин почувствовал, как у него в груди отчего-то всё сжалось; слегка ослабив галстук, он равнодушно произнес:

— Тогда в чем же дело? Как бы то ни было, ты не должен был так опрометчиво бросать работу. Это чистой воды каприз.

— Я принял это решение после долгих раздумий, и это не каприз. Если ты позвонил лишь для того, чтобы упрекнуть меня в побеге, то я приношу свои извинения. Пожалуйста, больше не беспокойся меня. Прощай.

Он отправил и этот номер в черный список, после чего тяжело и глубоко вздохнул. Тяжесть на сердце никуда не делась; он сжал в кулаке телефон, но швырять его в итоге не стал — на дополнительные расходы у него пока еще не было средств.

Цзян Тин снова оказался тем, кому Пэй Чэньцзин оборвал звонок. Ему даже не нужно было проверять: и так ясно, что этот номер тоже заблокирован. Уставившись на экран, вернувшийся к интерфейсу набора номера, он долго хранил молчание, пока телефон в конце концов не заблокировался сам.

Пэй Чэньцзин сказал, что злится вовсе не из-за того случая, когда он закрыл перед ним дверь... Тогда в чем же причина?